

УДК 94(47+57)~1941/45"
ББК 63.3(2)622
И85

Фотография на обложке: © Анатолий Гаранин / РИА Новости

Исаев, Алексей Валерьевич.

И85 Когда внезапности уже не было. 1942 от Харькова до Сталинграда / Алексей Исаев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-100694-5

«Головокружение от успехов» после победы под Москвой оказалось недолгим, но расплачиваться за него пришлось большой кровью — весной и летом 1942 года Красная Армия потерпела ряд сокрушительных поражений, которые по своим масштабам были сопоставимы с катастрофой начала войны, но которые уже невозможно было оправдать «внезапностью вражеского нападения». Почему 42-й так и не стал «победным» годом «полного разгрома гитлеровских войск», как объявил в своем приказе Сталин? По чьей вине, вместо того чтобы «гнать немцев на запад без остановки», Красная Армия была отброшена до Волги и Кавказа? Как удалось избежать краха и вернуть стратегическую инициативу? И где на самом деле решалась судьба войны — в Сталинграде или совсем на другом фронте?..

От Харьковской катастрофы до Сталинградского триумфа, от «Ржевской мясорубки» до прорыва Ленинградской блокады — эта книга позволяет по-новому взглянуть на решающие сражения войны, раскрывая подоплеку событий и восстанавливая подлинную историю переломного года Великой Отечественной.

**УДК 94(47+57)~1941/45"
ББК 63.3(2)622**

ISBN 978-5-04-100694-5

© Исаев А.В., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Введение

Почему немецкие танки в 1941 г. дошли до Москвы и Ленинграда, можно было объяснить внезапным нападением. Но что происходило в 1942 г. — таким тезисом уже никак не объяснялось. Летом сорок второго советские войска вновь отступали, на свет появился печально известный приказ № 227: «Ни шагу назад!» При этом ни о какой внезапности уже не могло быть и речи. Первоначальное упреждение в развертывании и мобилизации было к концу 1941 г. с большим трудом отыграно, и с 1942 г. друг перед другом стояли армии в нормальных плотностях.

Более того, в декабре 1941 г. началось контрнаступление под Москвой. Почему в 1942 г. из Подмосковья не доехали на Т-34 по следам деморализованных и замерзающих в тонких шинельках немцев прямо до Берлина, также было неочевидно. Неудивительно, что на почве нечетких причинно-следственных связей родилась масса конспирологических теорий, подразумевающих иногда поголовный идиотизм высшего командного состава Красной Армии. Как такие неумные люди дошли до Берлина в 1945 г., остается только гадать. Тезис о «заваливании трупами» в этой связи представляется неубедительным, поскольку после появления шрапнели и пулемета заваливать противника трупами было затруднительно чисто технически.

Во многом вина за такое искаженное представление об истории 1942 г. лежит на отечественных послевоенных историках. Основной ошибкой было построение теории об отсутствии у советского руководства собственной активной стратегии в войне. Если представить

эту теорию в несколько упрощенном виде, то цепочка событий Великой Отечественной войны выглядит следующим образом. Перед войной не думали о том, как хорошо и правильно строить исключительно стратегическую оборону. Получив «внезапное нападение», жестоко за это поплатились «бессмысленными контрударами», допустив немцев до Москвы, Ленинграда и Ростова. В 1942 г., вместо того чтобы забиться в норку «стратегической обороны», предприняли наступление под Харьковом и из-за этого немцы дошли до Волги, Дона и Маныча, и пришлось издавать приказ № 227. Только обороной в развалинах Сталинграда их остановили. Наконец в 1943 г. провели могучую стратегическую оборонительную операцию под Курском, и после этого дела сразу резко пошли в гору. Для втискивания реальности в прокрустово ложе этой теории была сделана попытка увести в тень целый пласт важнейших событий второго года войны. К сожалению, в круговую поруку умолчания и маловразумительных объяснений включились мемуаристы, отнюдь не спешившие делиться информацией о своих неудачах или даже откровенных провалах. Необходимость скрывать очевидное заставила засекретить и исключить из широкого научного оборота многие простейшие справочники, например, «Боевой состав Советской Армии» в пяти томах.

Если же мы попытаемся проанализировать события с опорой на ставшую доступной в 1990-е годы информацию, то сражения 1942 г. предстанут перед нами в совершенно другом свете. Выясняется, что большая часть Красной Армии действовала отнюдь не под Сталинградом, а на центральном участке фронта. Такая диспозиция сохранялась не только весной 1942 г., когда о немецком плане летней кампании еще только догадывались, но и в разгар боев на сталинградском направлении, в момент появления приказа № 227, и даже в период контр наступления под Сталинградом поздней осенью 1942 г. Сконцентрированные против групп армий «Север» и «Центр» войска предприняли целый ряд

наступлений, как с ограниченными целями, так и с самыми амбициозными замыслами. Получается, что приказ «Ни шагу назад!» был попросту неактуален для основной массы бойцов и командиров. Большую часть года, на большей части советско-германского фронта, большая часть войск Красной Армии участвовала в наступательных операциях. Этим 1942 г. принципиально отличается от 1941 г. Если в первый год войны инициатива полностью принадлежала противнику, то 1942 г. ознаменовался напряженной борьбой за стратегическую инициативу. Вследствие большой протяженности фронта южный, центральный и северный секторы советско-германского фронта представляли собой нечетко связанные театры военных действий. В сущности московское и сталинградское направления чем-то напоминали французский и русский фронты Первой мировой войны. Отличие было лишь в том, что обе стороны имели возможность маневрировать войсками по внутренним операционным линиям. Соответственно если на юге в 1942 г. инициатива в весенне-летней кампании принадлежала противнику, то на центральном участке фронта инициативой безраздельно владела советская сторона.

Вопреки тезису о пассивной стратегии Верховного Главнокомандования Красной Армии, якобы пытавшегося угадать направление наступления противника и построить на этом свои планы, основной идеей советского плана кампании 1942 г. было наступление с решительными целями. Задачей было не «угадать-остановить-победить», а разрушить планы противника и реализовать свои собственные. И в таком формате советские войска добились определенных успехов: наступление в Сухиничском выступе и под Ржевом летом 1942 г. сорвало немецкие планы по срезанию выступов фронта в полосе группы армий «Центр». Кроме того, замалчивание операций на западном направлении было попросту неэтичным по отношению к тем людям, кото-

рые сражались и гибли в позиционных боях на московском направлении.

Что же стало причиной замалчивания или крайне невнятного описания действий фронтов западного направления? Ответом на этот вопрос является линия фронта, почти не изменявшаяся в течение года. Военачальникам попросту нечем было похвастаться. Поставленные Ставкой ВГК задачи систематически не выполнялись, и сражения переходили в формат позиционных боев за «избушку лесника». Это явление в свое время не получило объективной оценки стороннего, не имевшего идеологических шор наблюдателя. Между тем имело место появление позиционного кризиса на новом витке развития военной техники.

В Первую мировую войну скорострельные пушки и пулеметы остановили наступление пехоты. Противники зарылись в землю и стали засыпать друг друга тысячами снарядов в надежде подавить «косы смерти», подавлявшие попытки продвижения вперед. Во второй половине войны, казалось, решение было найдено: «Таким образом, танк был тем средством, которое дало возможность, во взаимодействии с прочими родами войск, оснащенных усовершенствованной военной техникой (артиллерия, авиация, химия), преодолеть позиционный тупик, давало перевес средствам наступления над средством обороны и восстанавливало непрерывное взаимодействие между огнем и движением пехоты» (Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 841). Однако это решение продержалось недолго.

Армия 1940-х годов была насыщена ручными пулеметами (в вермахте ручной пулемет был в каждом отделении пехотинцев). Этот факт существенно повышал требования к тактике наступающего. Теперь невозможно было добиться подавления всех пулеметов в системе обороны противника артиллерийским огнем. После артиллерийской подготовки все равно оставались пулеметные гнезда, которые своим огнем мешали продви-

жению пехотинцев вперед. От пехоты требовались определенные тактические навыки в борьбе с ожившими огневыми точками своими средствами.

Если в Первую мировую возросшая мощь огня остановила пехотинца, то во Вторую мировую войну в роли защищенного гимнастеркой или шинелью бойца оказалось новейшее средство борьбы — танки. В Первую мировую войну практически неуязвимые стальные чудовища пробивались вперед, подавляя пулеметы и открывая дорогу пехоте. Однако уже в 30-х появились пушки, ставшие первым шагом к позиционному кризису нового поколения. При калибре 37—47 мм они оснащались полуавтоматикой (затвор открывался и выбрасывал гильзу за счет энергии отката), обладали низким силуэтом и могли расстреливать легкие танки с тем же успехом, как пулеметы «Максим» и скорострельные дивизионные пушки расстреливали в 1914 г. массы пехоты. Комкор Д.Г.Павлов, опираясь на опыт войны в Испании, обескураженно писал, что одна противотанковая пушка может вывести из строя сразу несколько танков, оставаясь для них неуязвимой.

Начался поиск решения в лице танков противоснарядного бронирования, но радикально это ситуацию не изменяло. Для круговой защиты от скорострельных пушек требовалось наращивание массы. Кроме того, прорывающиеся в глубь обороны без пехоты танки могли стать жертвой отрядов пехотинцев с бутылками с зажигательной смесью и ручными гранатами. Еще более страшным противником танков стали установленные в глубине обороны мощные противотанковые и зенитные орудия. Из броневое щита пехоты танки к началу Великой Отечественной войны сами стали защищаемым объектом. Все задачи пошли по второму кругу: сокрушение противотанковой обороны артиллерией, передвижение танков от укрытия к укрытию и т.п. Град снарядов легких скорострельных пушек сначала выжил с поля боя легкие танки, а затем появление тяжелых противотанковых и зенитных орудий существенно ослож-

нило жизнь на поле боя тяжелым и средним танкам. Если в 1941 г. хотя бы в некоторой степени бронирование Т-34 и KV обеспечивало им безопасность на поле боя, то в 1942 г. насыщение боевых порядков немецкой обороны 50-мм и 75-мм противотанковыми пушками привело к «позиционному кризису», не пробиваемому танками. Пехоте требовалось пробиваться вперед самостоятельно, часто впереди танков. В связи с этим возникла необходимость отработки решения, к которому в конце Первой мировой войны пришли не имевшие танков немцы, — к штурмовым группам пехоты.

На тактическом уровне штурмовые группы, опираясь на свое стрелковое оружие и перемещаемые с собой орудия, минометы и огнеметы, позволяли преодолевать заблаговременно построенную оборону. В межвоенный период немецкие пехотинцы получили вместо самоделок из трофейных русских «трехдюймовок» орудия поддержки пехоты специальной разработки. Это были 75-мм *leIG 18*, входившие в состав полковой артиллерии. Сравнительно легкое (400 кг) орудие передвигалось вместе с наступающей пехотой и применялось для уничтожения пулеметных гнезд и других подобных целей. В СССР теоретически знали о тактике штурмовых групп. В советской военной печати 1920-х и 1930-х даже писалось о «возвращении боя пехоты». Одним из первых орудий, разработанных в СССР, стала 76,2-мм полковая пушка. Высшее командование Красной Армии еще в ходе войны с Финляндией давало рекомендации по организации штурмовых групп и использованию в первой линии 45-мм батальонных и 76-мм полковых пушек. Однако действительно широкое использование тактики штурмовых групп не могло быть введено одними уставами или приказами сверху. Как бы плохо это ни звучало, но такие вещи появляются только по опыту гор трупов у стен очередного Вердена. Свои горы трупов на полях Первой мировой кайзеровская армия получила, и, как следствие, были созданы соответствующие программы обучения пехоты и появи-

лись получившие опыт таких действий командиры. Красной Армии для создания жизнеспособной системы действий штурмовых групп потребовался 1942 г.

Усугубляло позиционный кризис наличие в армии 1940-х годов подвижных соединений для маневра по фронту. Передвигающиеся на мотоциклах, автомашинах или даже гусеничной технике резервы могли быть быстро переброшены из глубины к месту наступления, и при нерасторопности атакующего запечатать прорыв. В связи с этим возросли требования к наступающему, который должен был прорвать фронт быстрее переброски подвижных резервов и суметь развить успех в глубину самостоятельным механизированным соединением. Год 1942 стал для Красной Армии периодом строительства самостоятельных танковых соединений и наработки опыта их практического использования.

Наконец, одним из важных средств борьбы стала авиация. Во-первых, ее можно было концентрировать на направлении возникающего кризиса. При выявлении направления наступления на этот участок могли быть быстро переброшены крупные силы авиации, которые обрушивались на наступающие стрелковые части. Во-вторых, авиация позволяла снабжать по воздуху попавшие в тактическое или оперативное окружение части. Немцы широко этим пользовались до тех пор, пока транспортная авиация не нашла свою могилу под Сталинградом.

Для преодоления позиционного кризиса нового времени советским войскам требовалось пройти школу наступательных операций локального и стратегического значения от Ладоги до Черного моря в 1942 г. Именно школа этих боев сформировала советскую технологию ведения наступлений, которая в конечном итоге привела Красную Армию к Берлину.

Часть I

ХУК ПРАВОЙ

(Летне-осенняя кампания 1942 г.)

Кавказская нефть всегда была одной из тех вещей, которые делали для Германии привлекательным завоевание СССР. Недостаток нефтепродуктов вынуждал руководство Третьего рейха разворачивать масштабное производство синтетического горючего и ставил немецкое руководство в зависимость от владеющих нефтью союзников — Венгрии и Румынии. Впервые идея похода на Кавказ за нефтью была озвучена А. Гитлером еще 31 июля 1942 г., на начальных стадиях планирования «Барбароссы». Прорыв через Кавказ в Иран был одним из вариантов развития операций Германии в случае успешного завершения «Барбароссы».

Однако переход от общих замыслов к детальному плану произошел только осенью 1941 г. В октябре оперативный отдел ОКВ подготовил первый план Кавказской операции. План предусматривал шесть этапов, начиная с ноября 1941 г. (захват северных подступов к Кавказу) до сентября 1942 г. Последние три фазы (июль — сентябрь 1942 г.) уже предполагали действия в Закавказье, Иране и Ираке. План был в целом одобрен 24 октября 1942 г. Считалось, что прорыв через Кавказ станет простым вариантом решения проблем германской стратегии на Среднем Востоке.

В беседе с фельдмаршалом Браухичем 7 ноября 1941 г. Гитлер высказал мысль, что захват нефтяных полей придется отложить на следующий год. 19 ноября

Гитлер сообщил начальнику Генерального штаба Ф. Гальдеру, что Кавказ станет первой целью кампании 1942 г. Отметим, что 19 ноября Гитлер еще был уверен в возможности захвата Москвы до конца 1941 г.: вторая фаза наступления на Москву только что началась. 22 ноября Гальдер издает приказ о выводе из боя в резерв горных и легкопехотных (егерских) дивизий.

Начавшееся зимнее наступление Красной Армии внесло существенные коррективы в эти планы. Ни о каком выводе из боя соединений для ведения боев в горах и предгорьях не могло быть и речи. Одновременно на всем протяжении советско-германского фронта образовались глубокие вклинения в построение немецких войск. Чтобы начать наступление на Кавказ, нужно было обеспечить исходные позиции для выделенных для операции войск. Поэтому 12 февраля 1942 г. в распоряжении о ведении боевых действий на Восточном фронте было предписано ликвидировать вклинения и построить сплошной фронт для беспрепятственного проведения кампании 1942 г.

В «Приложении № 3» к тому же документу намечался также ряд мер по восстановлению боеспособности соединений вермахта на Восточном фронте:

«1. В первую очередь полностью обновить и сделать пригодными для ведения операций крупного масштаба:

— все моторизованные соединения и главные силы РГК группы армий «Юг» (без 2-й армии);

— три танковые дивизии (предусмотрены 1, 3-я и 5-я), три моторизованные дивизии (предусмотрены 10, 15-я и 20-я), пехотный полк «Гроссдейчланд» и одну часть РГК группы армий «Центр» (включая 2-ю армию);

— незначительное число войск РГК группы армий «Север».

При этом должны быть обеспечены все танковые полки этих дивизий — тремя танковыми батальонами, а предусмотренные моторизованные дивизии — одним танковым батальоном.

Необходимый кадровый состав может быть взят из танковых дивизий групп армий «Центр» и «Север».

2. Во вторую очередь следует пополнить корпуса, пехотные, легкие пехотные и горные дивизии группы армий «Юг» (исключая 2-ю и 11-ю армии) и примерно пять пехотных и три моторизованных корпуса группы армий «Центр» (Д а ш и ч е в В.И. Указ. соч. С. 317).

Как мы видим, был сделан акцент на восстановление боеспособности соединений, находящихся в южном секторе советско-германского фронта. Причем имело место не только распределение поступающих резервов, но и перераспределение сил между группой армий «Юг», с одной стороны, и группами армий «Север» и «Центр», с другой стороны.

Очередной этап планирования кампании 1942 г. последовал 5 марта 1942 г., когда Кейтель собрал воедино целый ряд инструкций Гитлера по действиям в ближайшие несколько недель. Группе армий «Юг» предписывалось обрушиться на Керченский полуостров, Изюмский выступ и нейтрализовать Черноморский флот действиями авиации. Группа армий «Центр» нацеливалась на Осташков с целью ликвидировать результаты наступления 3-й и 4-й ударных армий. Группе армий «Север» предписывалось стабилизировать ситуацию в районе Демянска.

Наконец 5 апреля 1942 г. Гитлером была подписана Директива ОКВ № 41, ставшая основным руководящим документом для групп армий на 1942 г. В нем были окончательно определены цели летней кампании: «Главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ».

Первоначально план немецкого летнего наступления получил наименование «Зигфрид», но вскоре название было сменено на «Блау» (Синяя). Последнее название находилось в одной группе с наименованием планов агрессии против Польши («Вайс» — Белый), пла-

на наступления на Западе («Гельб» — Желтый) и второго этапа кампании против Франции («Рот» — Красный). С целью введения советского командования в заблуждение относительно целей летней кампании была разработана операция «Кремль». В рамках этой операции в полосе группы армий «Центр» проводился целый ряд мероприятий по имитации подготовки наступления на Москву.

Характерной особенностью летней кампании 1942 г. должно было стать широкое использование в наступлении на Волгу и Кавказ войск союзников Германии — румынских, венгерских, итальянских и словацких дивизий. Определенные трудности вызывали разногласия между Румынией и Венгрией относительно Трансильвании. Это вынуждало командование принимать специальные меры для разделения румынских и венгерских частей в пространстве и времени. Отметим, что привлечение к участию в «Блау» союзников Германии было вызвано необходимостью прочно удерживать фронт групп армий «Север» и «Центр» устойчивыми в моральном и тактическом аспекте соединениями.

Если попробовать посчитать долю войск сторон на различных направлениях к началу летней кампании 1942 г., то у нас получится следующая картина. К 27 июня 1942 г. наиболее сильная группировка Красной Армии находилась на западном направлении, на участке протяженностью 1550 км от Холма до Орла. Здесь было

Командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок